

НЕЛЮДИМЫЙ МЕТАРЕАЛИСТ

(ДРУЖЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К ДОЛГОЖДАННОЙ КНИГЕ)

В день рождения Пастернака, 10 февраля, в издательстве Воронежского государственного университета тиражом в 300 экземпляров вышла книга стихотворений Сергея Рыбнина «Вдали от людей». Первая книга поэта.

Сзади на обложке отзывы. Московский поэт и литературный критик Борис Нутенков называет поэзию Рыбнина сложной в своей открытости медленно разворачивающемуся смыслу, основанной на неброском синтаксическом параллелизме. Герметическим метареалистом, работающим в неомодернизме, определяет его уральский поэт и литературный критик Юлия Подлубнова. Указывая, впрочем, на некоторую традиционность формы и содержания.

На первой странице — эпитафией ко всей книге — четверостишие:

*как хорошо себя толкнуть
остановить на грани
о эта нежность это жуть —
я ранен*

Честное и довольно точное самоопределение. Поэт Сергей Рыбнин (не хочется говорить «лирический герой»: в случае с Рыбниным происходит почти полное отождествление земного и небесного) всегда на грани: комнатного и за-ононного (окно — главный символ-образ поэтики), пригорода и города, снега и дождя, речного луга и леса... И — наконец — речи и молчания: «Молчи и помни, сдерживай поток, // безумный мальчик, плачущий у окон...»

Речь — это слитные слезы, крупные капли, похожие на слепых стрекоз, сбивающих друг друга. Слово — божественное, рассыпанное в траве. Река, как игла, продевает ворох звуков, и появляется голос.

Странный, неразборчивый, сбивчивый, далекый.

Из-за этого, конечно, немало случайностей и неточностей. Не расслышав слова, не до конца разглядев образ, он все равно говорит. И делает это открыто: ничего не добавляя от себя, земного. Иной раз получается даже не речь полководья, равная бреду бытия (по Пастернаку), а небесный, неясный, брезжащий сумбур, с трудом переводимый Рыбниным на человеческий язык.

Впрочем, не так и важно, о чем, главное — говорить.

*это все о воде и Ржаве
как о ржавчине и трубе
это нежно течет железо
как слеза по твоей губе*

Заговаривание (даже — забалтывание) мира. Потому что так легче. Переждать ночь и немоту. Пережить разлуку. Стихи как рефлексия. Не долг перед воздухом и светом, но разговор о себе и для себя. Само-спасение. Наверное, это и есть чисто поэтическая задача: спасешь себя, получится спасти и других.

*белый лист и простой карандаш
словно хлеб с молоком
помогают держать эту жизнь
и держаться*

Явна не (с)только традиция, сколько преемственность. Поэт невольно называет своих любимых, делает это с нежностью: «и ржавчина кругом и желтизна» (Сергей Гандлевский), «на голосе и глоссе продержусь» (Олег Чухонцев), «предчувствие стихов светловолосых...» (Григорий Поженян). Об Ольге Седановой он говорит прямо: «Седанова // как молитва...»

Несказанного у него, кажется, и вовсе нет: идя за звуком, он производит все. Может быть, и лишнее: «Золотистый, злободневный, зол, зола // сожженной травы, вчерашнего лета прореха...» Но здесь же появляется и другое — постмодернистское, смелое и откровенное, — «тучи небо мглою кроют, // как понятия моей беды».

Нак бы заранее обреченный на трагедию, на одиночество и непонимание, Сергей Рыбнин все-таки стремится к ней. Желанной и едва представимой.

И все стихи — от этой не-случившейся.

Вопрени ей.

Ради нее.

Василий Нацентов

ИЗ КНИГИ «ВДАЛИ ОТ ЛЮДЕЙ»

* * *

Мы оттаяли к лету, но воздух пропарен и влажен.
Хочешь криком сорвать прошлогодний побег – пробеги
по сожженной траве, рукавом зацепиться о сажу
и упасть в темноту, за которой начало строки.
Словно черная нитка натянута перед глазами,
это – смелость, которой учиться еще и учи...
это точка, которую нам еще не показали,
о которую мы, опираясь, по буквам стучим.
За проход в никуда неизбежная плата, ты ранен –
хочешь музыку выдохнуть, дудочкой стать неземной,
и идешь по земле с этой дудкой в нагрудном кармане,
говоря-говоря-говоря-говоря сам с собой.

* * *

Как страшно жить, когда ты в наготе,
в распахнутом окне под сквозняками,
и ночь рисует солнце в темноте
чернилами густыми. Ходят сами
по комнате предметы, говорят
о завтрашнем полете, о вчерашнем
падении, и лампочки горят
над миром, путеводными не ставши.
Мне дышится прерывно и внатяг,
чужие люди шепчутся у окон,
влюбленные над городом летят
и вьют из яблонь яблоневиный кокон.
Но сколько их, летящих надо мной,
сцепившихся и спрятанных на крышах?
Любовь стучит как будто домовый...
Я ничего не слышу.

* * *

Строчкой леса заштопанный край, вдали от людей
живешь, подуваешь в дуду, вызываешь созвучья,
ты сам же вода, но притягиваешься к воде,
как будто тебя обуздало веление щучье.
Выходишь к реке, от промоин – журчанье и хруст,
срывается снег с камышей, тебе кажется – чайка,
и в клюве ее золотистый прикушен подуст,
густая вода закачалась, как кресло-качалка.
Вот так и живешь, ради качки и взмаха крыла,
измеряя на глаз траекторию птичьего взлета,
даже если мне жизнь показалась – совру, что была
только здесь, и, наверное, значила что-то.

* * *

речь воды – это слитные слезы
это крупные капли разжавшихся волн
так друг друга сбивают слепые стрекозы
когда полдень травой уже заговорен
солнце выпало в небо и на гамаке
раскачалось, лучами под ноги швырнуло
я морщину увидел в дрожащей строке
эту зрелость и злость стихотворного гула
как бы выпасть в траву, виноградом врати
в эту вязку зеленую, сонную тяжесть
в эту часть обреченной на муки Земли
разделенную памятью-памятью на шесть

* * *

Рассеянный вызов, захочется в небо смотреть
и мглу пробивать, говорить о любви и о смерти,
как с воздухом голос вплетается в тьмы круговерть!
как рады в рядах пополнению твари и черти!
Не-ангел с трубой, говорящий о боли, об истине,
печальный дурак, обчасованный временем гость,
здесь ветер большой, как мне малому нежному выстоять
и к небу нести свежих слов неподъемную горсть?
О ласточках-ножницах, режущих воздух в полях,
грудной тесноте, густоте травянистого гула,
о том, чтобы жить, в трудовых застревая солях,
и не-навести на висок бесконечное дуло.

Проторена почва прорвавшейся зеленой,
мы – руки за спину – бескрылые птицы,
мы повторены и сомкнуты в движенье-кольцо,
как велосипедные спицы.
Вылавливать ветер, пытаться его заземлить,
держаться от силы примкнувшего слова,
себя самого у печали твоей отпросить,
как ученика с урока из школы.
Прожить еще год, оглянуться, сорваться с земли
и вылететь в синюю форточку телепортала,
за прошлым, как жили, как землю в ногах берегли,
ты той же травой эту почву к полету толкала.
Случилась и будущность – шар совершил кувырок,
цветами раздергана послепожарная рощица,
я высадил сад, чтобы воздух был ярок, широк –
держал тебя там на весу – босоногую летчицу.
Какая теперь непогода на небе ледовом,
взметнувшийся ввысь наболевшего взгляда овал,
мне воздух весенний покажется снова знакомым –
он каждый твой шаг повторял.

Молчи и помни, сдерживай поток,
безумный мальчик, плачущий у окон,
где только мгла сочится в потолок
и сединой поблескивает локон.
Как будто нет и не было воды,
и ночь еще не выбита дождями,
космическое тело немоты
прибито наспех к облаку гвоздями.
И только слышишь, как оно сквозит,
и не уснуть и не отгородиться,
сверканье звезд, как спаиванье плит,
и мышь летучая, как птица.

Какое одиночество – кормить птиц
в центральном парке на стыке улиц,
где только листья летят, как блиц,
как страшно осенью караулить
асфальт блестящий, скрипящий шаг,
мельканье ног в тротуарных клетках,
и, теплой книгой в руках шурша,
перекликаться с листвой на ветках.
Легко и грустно как никогда,
сидишь бездомным и просишь милость,
и всюду в цвет серебра вода,
и речь молчанием претворилась,
как будто ангелы сняли трубки,
сложили в спичечные коробки,
а мне курить, поджигая губы,
и вместо музыки – огоньки.

ругаться матом чтобы отлегло
волнение горячее грудное
как этот воздух солнцем пропекло
какая тень плетется за тобою
здесь кто-то был на этом островке
реликтовом, из вечности сигналил –
завесил небо шторкой на окне
и звезды словно колышки расставил
так каждый раз – всмотреться в темноту
я не могу
по очертаньям света
глаза определяют высоту
далекого оставленного лета